

Неизвестное кино

С **Вадимом Гемсом** мы познакомились лет десять назад, когда в замечательной вгиковской команде он приехал в Таллинн на съемки курсовой картины "Мадам Бовари". Компания была примечательно интернациональной: режиссер - узбек, оператор - армянин, художник - татарин, сам Гемс, приехавший играть одну из ролей, немец, другие актеры - эстонцы и русские. Среди них был и так много обещавший и так рано ушедший от нас Урмас Кибиспуу.

В Таллинне у Гемса завелось немало друзей, и не случайно, что именно сначала друзьям в Эстонию он привез показать свою первую полнометражную картину "Стару-Ха - Хармс". Картина вышла неожиданная и сильно ругаемая. На последнем Таллиннском кинорынке собрала полный букет разного рода "не": не Хармс, несмотрительная, не кассовая. Но именно эту картину Марлен Хуциев (Гемс его ученик) повез в Аахен на ретроспективу собственных фильмов, именно "Стару-Ху - Хармс" приобретают для проката в своих странах несколько зарубежных фирм. Все, как всегда, и, как всегда, нет пророков в своем отечестве.

Молодежь Эстонии - Таллинн - 1992 - 16 мая - с 3

Чудотворец был высокого роста

...Тебе про то, как я вылетал из родного вгиковского гнезда? Спроси лучше, как поступал в институт кинематографии.

- **Спрашиваю.**

После мандатной комиссии мне Хуциев сказал: "Сними этот халат - не примут". Я тогда хипповал, ходил в шерстяном балахоне с железными пуговицами. Они своей тяжестью одеяние странным образом деформировали, оно как-то висело подо мной. Или надо мной, уж не знаю, но было смешно.

Пять лет во ВГИКе научили меня всегда говорить "да" и никогда не говорить "нет". Для творческого человека это очень важно: открыть дверь другу, накормить его, напоить, отдать последнее. Ну и, конечно, мне страшно повезло: я прошел все мастерские, работал с Баталовым, Таланкиным, не говоря уже о своем курсе.

- **Вадим, у нас не разговор, а введение в монографию получается.**

Пардон, давай телеграфно. Значит, в 1983-м я окончил ВГИК, потом два года не мог запуститься, то ли потому, что я - немец, то ли "мохнатой руки" не было, короче говоря, никак не мог получить дебют. А это последнее чистилище, из которого выходишь, доказав, что не верблюд. Держат меня, держат, хотя я получил "пятерку" за диплом, и Герасимов приглашает в аспирантуру. Требовалось выбирать - режиссура или педагогика.

- **Говоришь: не было "мохнатой руки", а Сергей Аполлинарьевич?** И приглашает, и оставляет.

Все началось с поцелуя Тамары Федоровны Макаровой после вгиковского спектакля, где я играл. Спектакль назывался "Два сердца", Герасимов был его автором. Сюжет строился на том, что

где-то там в отдаленном колхозе самым кошмарным образом отравилось стадо свиней. И вот приезжают на ферму из самой Москвы ветеринар с дочкой, на этом фоне любовная история возникает, но все замешено на том, что от какой-то чужеземной болезни помирают свиньи. А потом в третьем акте происходил такой номенклатурный банкет: болезнь осилили, свиньи выжили. Я как раз играл ведущего на этом междусобойчике, и когда сыграл...

- **С присушим тебе блеском...**

Да, с присушим, я хороший актер, все говорят... И вот после спектакля Тамара Федоровна поцеловала, а Сергей Аполлинарьевич произнес: "Подойдите, Гемс!". Я подошел в волнении, ему до плеча, нос упирается в звезду героя соцтруда, и Герасимов так в нос немножко и вראстяжку говорит: "Давно хотел тебе сказать - ты лучший актер ВГИКа, и кинематограф плачет по тебе, это точно". На таком уровне было общение, но когда возникла необходимость помочь - появились Тамара Федоровна и Сергей Аполлинарьевич. Они нудно ходили по кабинетам, куда-то звонили. Мой мастер мне не помог, все был занят Пушкиным, еще чем-то. Я на него не в обиде, - он никому не помог, чего же обижаться?

Наконец, получил на ТВ научно-популярную картину, одну из цикла "Иракий Андроников рассказывает". Сделал. А потом мне заказал картину Карен Шахназаров, сын нашего известного политического деятеля, помощника Горбачева. Карен Георгиевич предложил мне снять фильм о картотежниках. Сам я никогда в карты не играл, но думаю - это удивительная штука, особое какое-то человеческое проявление, подчиняю-

щее без остатка. Пушкин оставил 70 тысяч карточного долга. А страсть Достоевского? В картах свои порядки, законы, свои поэты и гении. И играли в них во все времена. В недавние застойные - особенно.

Ну ладно, я увлекся, написал сценарий, но потому что я - Гемс - начал уводить историю про карты в сторону истории судьбы героев. А требовалось - криминальное, чтобы студия денег на картину потом могла заработать. И я не впился в поворот, мои интересы не совпали с интересами студии. Короче - катастрофа, меня закрыли, но Шахназаров сказал: "Да, мягко говоря, получилось неладно, подвел я тебя, а раз так - снимай, что хочешь". И вдруг у меня вырвалось - Хармс, не поверишь, в жизни со мной такого не было. Это надо было хорошо написать, чтобы такое ляпнуть. Ну почему? Сказать, что до этого бредил Хармсом, так ведь нет. Ну знал, читал. И все-таки сказал - Хармс!

- **Ляпнул - не ляпнул, но произнес-то Хармс, предпочтя новые приключения на свою голову?**

Мне очень нравится вопрос, только не знаю, как на него ответить. Может, все потому случилось, что я всегда жил так, что мог возникнуть только Хармс? Понимаешь, к одному писателю надо идти, надев рубашку с галстуком (ненавижу галстуки!) и застегнувшись на все пуговицы. К другому, к Пушкину, например, доверившись ему до конца, до капельки. К Хармсу надо идти в стоптанных домашних тапочках, сидеть с ним на кухне и вести обыкновенный домашний разговор за чаем. Сидеть можно долго-долго, говорить о чем угодно, что-то ронять, поднимать, выходить, возвращаться. Я

почувствовал в нем замечательного собеседника.

- **Но ты в своем кино не с прекрасным детским поэтом разговаривал, а с человеком сгнувшимся.**

Да, жизнь ему выпала трагическая, с двумя арестами, жизнь, от которой мало что осталось, кроме стихов, пьес, "случаев". Не осталось детей, их он так и не успел завести, осталась лишь легенда: никто не знает, куда Хармс девался, на какой пересылке закончил свои дни. Называют "Кресты", говорят о Новосибирске, о какой-то свалке, где его тело стало добычей крыс.

- **Не потому главный образ твоей картины - грандиозная свалка?**

Так свалка - это место, куда человек выкидывает то, что перестает быть нужным ему: вонючие отбросы, тряпье, банки, пакеты, а заодно и тех, кто вынужден в этом дерьме рыться, чтобы жить.

- **Мы сейчас про экологию говорить будем?**

Про экологию души. Хармс всегда нас провоцировал, подначивал, подтаскивал ко всему этому и говорил: "Нюхай! Это твое!" Мы морщимся, брезгливо губы поджимаем, а он свое - нюхай! Не могу, противно! Тогда попытайся взлететь от всего этого. Вот стык неприятного, смешного, поэтического и есть Хармс, как мне кажется. А поэтичен он был необычайно. У него люди летают. Все пишут про то, как люди ходят, едят, спят. А он про то, как летают. Делают все то же самое, но в полете. Ему было очень важно, чтобы человек оторвался, хоть немного, хоть в землю лбом потом, но оторвался. А мы летать не хотим, нам и так хорошо.

- **Куда ни кинь сегодня, все про больное говорят. И твоя картина об этом. Ладно ли постоянно напоминать о веревке в доме повешенного?**

- Однажды Хармс сказал: "Мое творчество не имеет практического смысла". Но сказал и другое: "Чудотворец был высокого роста". Он хотел, чтобы все мы и дела наши были высокого роста.

Возможно, я снял картину, где свалки и мусора больше, чем хотелось. Но это не специально, не затем, чтобы пробудить какие-то низменные инстинкты. Хочется, чтобы после моей картины - это я так мечтаю - хоть один человек пошел на вокзал, закрыв глаза, ткнул пальцем в расписание, сел в электричку и встретил в ней другого человека, и поговорил с ним, не зная ни имени его, ни фамилии, рассказал свою судьбу, вздохнул над чужой. Чтобы откровение возникло. Нет откровения - нет ничего. Вот так я понимаю Хармса.

- **И жизнь?**

- И жизнь. Ведь в картине есть все - и расстрел, и персонаж, названный Собственные мысли. А какие они бывают, собственные мысли, каждый знает. Есть в фильме художники, между которыми в буквальном смысле кошка пробежала, есть люди, говорящие о Боге всуе и не знающие, как пригласить девушку на свидание. Что это за безобразная Старуха, приходящая к художникам? Их Муза? Каков художник, такова и она. Но стоит ли потерявшему себя творцу ожидать в гости Музу в облике прекрасной девушки? Не бывает так. И другого Хармса я снять не мог. Такой - тоже единица измерения. И стало быть, надо так жить, чтобы ожидаемая тобою Муза не явилась к тебе старой каргой.

Когда мы сами начинаем превращать свою жизнь в балаган, начинаем друг друга веселить, а то не дай Бог все увидят, что там за занавеской, скрывающей нашу душу, тогда ничего путного ждать не стоит. И совсем иное дело, когда последняя поганая девка вдруг воображает себя кинозвездой Марлен Дитрих, счастливой, как Марлен, одетой, как Марлен, поющей, как Марлен. Трудно передать, как я благодарен удивительной актрисе Дусе Германовой, которая сыграла это в нашей картине, сыграла вот такое секундное человеческое пробуждение.

Светлое, прекрасное, замечательное есть в каждом из нас. И, глубоко убежден, когда мы это поймем, кончится нынешний абсурд. И тогда перестанем сбрасывать памятники или обливать их краской, уберем из церкви зернохранилища и генераторы высокого напряжения и перестанем попрекать национальностью. Нет, он обязательно когда-нибудь кончится, весь наш сегодняшний абсурд. Но для этого, оказывается, нужно самые простые дела делать до конца. Самые простые - и до конца, не отвлекаясь на памятники. Тогда, может, и другие слова у нас появятся при встрече, более человеческие.

В. АНДРЕЕВ.